

ленный чувствами. Голая и сжатая информация навязывается не только для ускорения, но и для упрощения, а по сути — для оглушения.

*

И все же я родился в самой читающей стране мира.

*

Когда наступит Конец Света, главное останется в Храмах и библиотеках.

*

Современные технологии могут сжать информацию, но никогда не смогут сжать мысль.

А. А. Конева, г. Тюмень

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПОВЕСТЯХ А. П. НЕРКАГИ «АНИКО ИЗ РОДА НОГО» И «ИЛИР»

Мифологизм — одна из ключевых особенностей литератур коренных народов Севера Западной Сибири. В ненецких легендах и мифах образ матери часто связан с животными. Так, в сказании о Сыне Лошади мать-кобыла спасает детеныша, угодившего в узкую яму, и говорит, что появилась кобылой на свет ради него, а на самом деле она Мать Семи Небес. В легенде «Земляной чум имеющая» мать-медведица заботится о своих двух медвежатах, кормит их всю весну и все лето, а когда понимает, что ей суждено умереть, просит детей не идти по ее следу. В сказании «Медведь, медведица и медвежонок» мать вынуждена послушать медведя и сварить медвежонка, но она сберегает его маленький пальчик, который позже превращается обратно в детеныша. Матери в ненецких преданиях часто имеют большое количество детей, которых должны прокормить. В сказании «Пятеро Яптик» мать варит котел детям после каждой их охоты, но когда еды не остается, она достает пять гусиных ножек, которые заранее сберегла. А. М. Сагалаев отмечает, что образ матери в традиции ненцев тесно связан с представлениями о птице. Птица — важный персонаж самодийской картины мира. У ненцев есть свой миф о сотворении земного шара. Л. В. Хомич пишет: «Главным действующим лицом в нем была гагара, которая достала из-под воды ком земли, превратившийся постепенно в земную поверхность с ее горами, лесами, реками и озерами» [4: 62]. Важным персонажем женского пантеона ненцев является Лоно Земли (Я-Мюня). Это старушка, живущая внутри земли. Она распоряжается жизнью и смертью людей и богов. Образ богини Земли присутствует в мифологических текстах, повествующих о Верхнем, Среднем, Нижнем мирах.

Образ матери является особо значимым в системе персонажей повестей Неркаги «Анико из рода Ного» (1974) и «Илир» (1978). В семье Ного — это мать Анико (Некочи) и мать отца Себеруя; в семье Ледковых — мать Пассы и ее мать; в семье Лаптандеров — мать Алешки; мать Илира; мать Хона; мать Едэйне. Отдельного внимания заслуживают волчица-мать и Мать-земля. Женщины в повестях называют друг друга не по имени, а матерью живого ребенка: мать Илира, мать Алешки и т. д. Это говорит о том, что главная миссия женщины — быть матерью. Женщина в первую очередь характеризуется по тому, какая она мать.

Почти все героини относятся к своим детям с любовью и заботой, поддерживают их, оберегают. К Некочи можно отнести следующие рассуждения повествователя о матери: «Мы приходим к маме, несем к ней свои обиды и нужды, забывая о ее обидах и нуждах. Счастье несем к маме реже, хотя знаем, что она не попросит от него ни кусочка, а только удвоит его» [1: 356]. Себеруй не сомневается, что мать помнит свою старшую дочь: «Мать помнит о том, о чем иногда забывает сама жизнь» [1: 399]. Олень Тэмуйко, вскормленный молоком Некочи, также считает ее своей матерью: «Мамин олень. Его ласкали ее руки. Он хорошо знал маму, может, и любил» [1: 351]. Тэмуйко очень переживал смерть своей хозяйки, его одолевали различные эмоции: «Он спрашивал: «Где мать? Где хозяйка?» Потом приблизился к саркофагу, обрадовался — нашел свою хозяйку. <...> Боль сдавила горло Тэмуйко» [1: 322]. У матери Алешки четыре сына. Ее сердце полно гордости за них, особенно за Алешку. Мать с большой заботой относится к старшему сыну. Когда Алешка спал после ночного дежурства, она старалась не разбудить его и занимала чем-нибудь младших братьев, чтобы они тоже не мешали. Если сын был задумчив, мать

не лезла к нему с вопросами. Мать Илира — молодая вдова. Женщина почти не выходила из чума, потому что была беременна и стыдилась людей. Когда Илир, беспокоясь о здоровье матери, хотел прижаться к ней, женщина, лишенная сил, обняла сына. Хотя Илир был мал, мать называла его мужчиной, тревожилась за него, за его успехи в охоте.

Но путь к взаимопониманию может быть более сложным. У матери Хона смешаны чувство жалости и любви к своему маленькому восьмилетнему сыну. После приезда Красной нарты и рассказа Хона о тайне спрятанных оленей отца в женщине усиливается страх перед мужем, переходящий в неприязнь к ребенку. Олени были ее единственной радостью, а теперь «едкая, неженская злоба захлестнула мать Хона» [1: 167]. Ее сын ощутил страшную обиду и горе, вызванные поведением матери. Взаимоотношения матери и сына были трудными. Она, поглощенная своей обидой, не стремилась защитить его, приласкать, считала уродом, что отталкивало и мальчика от нее. С нарастанием чувства собственной боли женщина начинает сочувствовать сироте Илиру и пытается защитить его от руки Маймы. Так в ней начинает проявляться материнское чувство. Приходит понимание вины перед сыном, к которому она относилась с досадой и раздражением, когда мальчику были так необходимы ее любовь и ласка. И сам Хон стал теплее относиться к матери, они стали разговаривать, он называл ее мамой, а она к нему обращалась «сыночек». Мать начинает делать всё возможное, чтобы угодить своему больному сыну. Она, хранительница очага, разжигает большой костер для создания уюта в чуме. Мать Хона говорит своему ребенку: «И мне хорошо, когда тебе не больно» [1: 210]. В ней проснулась настоящая материнская нежность. Когда Хон умирает, мать бунтует против Солнца, Неба, Земли и Ямини. Героиня сходит с ума и переходит в мир грез, а затем умирает на пути к могиле сына, но умирает легко и радостно.

Описание историй животных и их семей играет в повести «Анико из рода Ного» немаловажную роль. Хромой Дьявол, одинокий волк, встречает волчицу с «по-особому ласковой мордой молодой матери» [1: 383]. Эта волчица счастлива, у нее есть волк и четверо волчат. Она весело играла со своими детенышами, а когда те уснули, то ласково утащила их в логово. Самка, как настоящая мать, испытывает чувство тревоги за своих детей: «Волчица тревожно поглядела на логово, но там было тихо, и она, еще с минуту поколебавшись, пошла за волком» [1:384]. Когда Хромой Дьявол побывал в их логове, то оставил свой запах. Волчица, учуяв его, оскалилась и стала сильно тревожиться за своих волчат, за свое жилище. Материнское чувство проявляется в трепетной заботе о детенышах, в готовности пожертвовать всем ради их жизни. У животных чрезвычайно развит материнский инстинкт.

Следует заметить, что внешность героинь описана кратко, без особых подробностей. Встречающиеся описания в большей мере отражают не внешние данные, а особенности внутреннего мира героинь. Так, при описании Некочи, матери Илира, волчицы используется эпитет «красивая», но нет деталей. Они красивы материнскими качествами. Внешний облик матери Хона достаточно груб и непривлекателен, что соответствует ее характеру и отношению к сыну в первой половине повести. Описывается именно лицо героинь. Если у волчицы «ласковая морда», то у матери Хона лицо «с острыми скулами и большими ноздрями»: «Хон глянул в лицо матери и опять удивился: оно, оказывается, и вправду почти сиреневое. И сморщенное, как кора старой, больной лиственницы. Мама тоже стареет вместе с чумом и вместе с огнем» [1: 203]. Сравнение матери Хона со старым деревом свидетельствует о нелегкой ее жизни. Как только отношения матери с мальчиком улучшаются, Хон называет маму красивой. После смерти лицо Некочи выражало спокойствие. Когда умерла мать Илира, на ее лице не было испуга, оно стало только строже. Лицо умершей матери Хона было счастливое. Эти героини были спокойны и в какой-то степени счастливы перед встречей с Матерью-землей.

В повестях не так много диалогов матери и ребенка. Но эти немногочисленные разговоры помогают прояснить, уточнить, понять их взаимоотношения. Анико общается с уже умершей матерью: «К живой не пришлось, так хоть к мертвой приласкаться, прощения попросить за то, что не была с ней» [1: 355]. Дочь просит прощения у нее, зная, что мать слышит ее, и пытается представить лицо мамы: «Какое же оно было? Доброе? Злое?» [1: 355]. Общение Некочи с детьми не представлено в повести. Но ее ласковое обращение с Тэмуйко и забота о маленькой Анико говорят о многом. Тэмуйко был любимцем Некочи, свою любовь к нему она выражала через действия: ласково трепала по шее, приучала к ухе и вскормила его своим грудным молоком, когда он был еще олененком. Мать Алешки была мудра, в нужный момент она выбирает молчание, нежели разговор, потому что верит в силу и ум своего сына. Мать Илира выбирает полушутливую форму разговора с ребенком, так как не хочет огорчать его, но в ее словах скрыта большая тревога за сына. Илир вспоминает, что мать рассказывала ему только о хорошем. Мать Хона в начале повести не может найти точки соприкосновения в общении с ребенком, ее слова резки. Но после внутреннего преображения женщина начинает общаться с Хоном. Они вместе

мечтают о лучшей жизни, о том, что уедут к людям, будут всегда вдвоем. Автор показывает, что общение — это не только слова. С помощью действий и молчания матери оберегают и поддерживают своих детей. Слово может быть связующим и разъединяющим в отношениях матери и ребенка.

Героини в повестях Неркаги самоотверженны. При этом все, что они делают, не воспринимается ими, как что-то сверхъестественное, особенное. Некочи вскармливает грудью осиротевшего олененка. Мать отца Себеруя, которую Як отказался взять с собой, нашла в себе силы сказать сыну, чтобы тот оставил ее. Деталь — «маленький, крепко сжатый кулочек» — говорит о большой духовной силе матери. В ненецких семьях стариков не отделяют и не бросают, потому всю жизнь Себеруй жил с чувством вины перед матерью. Мать Пассы и мать Алешки шьют для Анико ягушки и относятся к ней, как к родной дочери. Мать Едэйне отказывается от возможности сшить себе новые вещи ради приданого дочери. Мать Илира до последнего не подпускает к себе сына, чтобы не оскорбить его, так как роженица, по представлениям ненцев, находится на границе миров, и ей ставится отдельный чум. Мать Хона вступает за сироту Илира, бунтует против смерти собственного ребенка. Они готовы на любые жертвы ради счастья детей.

Матери с раннего детства учат детей различать добро и зло. В воспитательном процессе ребенка в ненецких семьях отсутствуют наставления, наказания. Одна из форм воспитания, которую они выбирают, — это, прежде всего, слово, сказка, легенда, предание. Илир от матери узнает легенду о голубых великанах. Мать Едэйне предостерегает дочь от Харбцо, говорит ей о том, что его надо бояться. Мать Илира хочет воспитать настоящего мужчину, чтобы он был сильным и смог добыть зверя. Мать Алешки учила сына понимать, что такое хозяин в доме: «Пусть думает, он мужчина, кормилец, — думай и за мать, и за братишек» [1: 314].

В повестях немного размышлений героинь о своих детях. Мать Илира думает о том, как маленький сын сможет прокормить ее и будущего ребенка, чувствует себя виноватой. Мать Алешки гордится своими детьми. Одиночество матери Хона побуждает ее к размышлениям о несправедливости к сыну. Женщина думает о своей жизни и не может припомнить ни одного хорошего дня. После смерти мальчика мать задумалась о плохом отношении к ребенку.

Дети часто вспоминают о своей матери, особенно когда находятся в тяжелом положении. Эти воспоминания дарят им тепло и поддержку, но в то же время обостряют боль утраты. Анико была разлучена с матерью еще в детстве. Получив письмо о ее смерти, она пытается вспомнить мать, припоминает, как они разводили костер, как мама шила одежду для куклы, вспоминает, как мать бежала ей навстречу, сажала за стол и вкусно кормила, ее озабоченное лицо. Рядом с матерью Анико чувствовала себя маленькой и нужной. Когда дочь вспоминает о матери, повествователь использует более ласковое слово — «мама». Потерю матери Илир воспринял как великое горе. От их жилища ничего не осталось, чум сняли. Прожженная земля напоминала Илиру успокаивающий ласковый шепот матери, рассказывающий ему легенды и сказки. Илиру было приятно, когда мать гладила его по голове и называла ласковым именем. После смерти матери мальчик вспоминает загадку, которую мама будто бы никак не могла разгадать, вспоминает и рассказ о голубых великанах. Это предание нравилось Илиру больше всего, поддерживало веру в лучшее. Уход матери в другой мир не помешал мальчику поддерживать с ней связь. Илир взял с собой уголек из родного очага, который олицетворял его дом, мать: «Мальчик достал из-за пазухи уголек, сунул под нос слепому псу. Слышишь, мама говорит, что все будет хорошо» [1: 201].

Земля в повестях Неркаги — Мать для своего народа. Герои в трудную минуту жизни обращаются именно к ней, просят у Земли защиты. Мать Хона просит Землю защитить ее сына, дать ему сил; Мерча и Майма просят у Земли защиты от Красной нарты. Земля оберегает и любит человека. Герои уверены, что это именно она встает на их защиту: «Вскоре Мерча утвердился в мысли, что Земля любит и охраняет его. <...> он упал на колени возле чума, но теперь уже перед всей Землей, благодаря ее за свое спасение» [1: 125]. И дети не остаются в долгу перед Матерью, они приносят ей различные жертвы. После того, как Земля спасла Мерчу от смерти, он достиг с ней святого единения: «Он будто сроднился со спасшей его скалой: советовался с ней, жаловался на невзгоды, делился радостью» [1: 125]. Между Матерью-землей и ее ребенком происходит постоянный контакт, существует теплая связь. Хон понимает, что он и Земля едины. Земля — кормилица: «Земля родная богата, это она, словно мать, кормит грудью своей и оленей, и его, человека» [1: 128]. Земля всё знает, она всевидяща, от нее ничего не скроешь: «То, что ребенок был незаконным, не трогало Майму. Земля и Яминя знали, кто отец мальчика» [1: 133]; «Значит, Земля отказалась носить на груди отца. А ведь она-то хорошо знает, что он не виноват...» [1: 218].

Перед смертью человек жаждет разговора с Землей. Так, оставленная всеми, больная мать отца Себеруя «повернулась к земле, лицом вниз, и долго что-то шептала ей. Доверительно, тихо, ласково, как малое дитя» [1: 333]. Старая ненка здесь — ребенок Земли, который любит свою мать и может

доверить ей самые сокровенные мысли. Мерча перед смертью чувствовал, что ему нужно готовиться к встрече с Землей. А. В. Головнев пишет: «Жизнь и смерть человека «проходят под опекой Матери Земли, а ее Лоно является той 'дверью', через которую лежит путь между этими настолько же разными, насколько и одинаковыми мирами» [2: 492]. Человек рожден Матерью-землей, и эта же Земля встречает его в конце жизненного пути.

Литература

1. Неркаги А. П. Молчащий: повести. Тюмень, 1996. 416 с.
2. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 600 с.
3. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск, 1991. 160 с.
4. Хомич Л. В. Ненцы. СПб, 1994. 128 с.

Т. Д. Крапивина, г. Тюмень

МОТИВ СМЕРТИ В «ЭЛЕГИИ ОСЕННЕЙ ВОДЫ» О. А. СЕДАКОВОЙ

По поводу этимологии слова «элегия» возникают разногласия, но большинство исследователей склонны предполагать, что слово возникло из сходного фригийского слова eîegn, обозначающего «тростник». Таким образом, этот поэтический жанр был назван по имени инструмента, под звуки которого исполнялись элегические песни [3: 7]. Несмотря на то, что первоначально элегическая песня выполняла роль скорбной и предназначалась умершим, она вовсе не обязательно носила характер плача. Элегия была близка к эпосу по своему строю (чередованием гекзаметра и пентаметра) и к тематике с сильным эпическим началом (призывами к стойкости, мужественности и патриотической нерушимой любовью к Родине).

В своих элегиях О. Седакова предстает последовательницей древнегреческой элегической традиции, однако, через призму современного взгляда на поэтику. Обращаясь к мортальному мотиву, Седакова актуализирует главный канон античного элегического наследия. Лейтмотивом становятся раздумья о мироустройстве, о положении в нем человека, о хрупкости человеческой жизни, о нетленном искусстве. Согласно канону, элегии насыщены чувством скорби об утрате близких. Помимо прочего, в свои элегии Седакова привносит свой авторский код, сегментами которого неизменно являются миф и христианская вера. На них же зиждется огромный пласт седаковской лирики в целом.

Весь цикл объединен, прежде всего, мортальным мотивом, что типично для элегий в принципе. Помимо этого, пожалуй, даже более значимым становится пространство внутри стихов: им становится периферия между своим и чужим миром. Это особая внутрстиховая локация позволила нам условно разделить цикл на два более мелких микроцикла: на элегии, посвященные живым, и на элегии, посвященные мертвым. К первой категории относятся: «Музыка», «Элегия смоковницы», «Начало». Ко второй — «Элегия осенней воды», «Земля», «Памяти поэта». Предметом нашего исследования станет второй микроцикл:

Все элегии, посвященные усопшим, имеют своего конкретного адресата. «Земля» написана на смерть Сергея Аверинцева, Бродскому посвящена элегия «Памяти поэта». «Элегия осенней воды» написана на смерти поэтов Самого Молодого Общества Гениев (СМОГ 12.02.1965— 14.04.1966): Сергея Морозова и Леонида Губанова. Далее будем говорить непосредственно о последней из названных элегий. Осень в названии стиха возникла не случайно. Время года осознанно было выбрано автором по той причине, что оно уже несет в себе смерть, т. к. для Губанова, создавшего СМОГ, осень явилась временем его пророческой гибели. Рассмотрим структуру элегии. Перед нами акцентный стих, который подобно верлибру имеет особое графическое оформление, которое позволяет автору выделить особо важные части. Согласно предложенному автором делению на строфы читатель делает паузы при